

ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

А.Б. Белозеров

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу эпистемологической характеристики понятия коммуникативной рациональности, содержание которого является актуальным для современной философской мысли. Представленный обзор взглядов на рассматриваемую проблему демонстрирует её соотношение с теорией познания, теориями коммуникативного действия, сложных, саморазвивающихся систем, синергетики, самоорганизации, связанными с постоянной изменчивостью и динамичностью в отношениях между людьми. Современные представления о коммуникативной рациональности представлены в соотношении с исследованиями в «человекоразмерной» и междисциплинарной областях. Отмечается необходимость прикладного использования коммуникативной рациональности в специальных отраслях знания. Процесс исследования основан на применении метода сравнительно-философского анализа, направленного на получение нового научного знания. Выдвигается тезис о способности эпистемологии, исследующей содержание и смысл коммуникативной рациональности в области познания комплексно учесть всё многообразие ситуаций человеческого общения. Показана связь исследования проблемы с социальными и культурными процессами, происходящими в общественной жизни, практическими запросами на открытие перспектив и реализации процедур проведения дискуссий, выработки рациональных, согласованных решений.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, теория познания, «человекоразмерность», эпистемологический подход, междисциплинарность, самоорганизация, синергетика, информационно-коммуникативные процессы, сетевое пространство, аксиологическая направленность.

Review. This article is devoted to the analysis of epistemological features of the concept of communicative rationality, the content of which is relevant to modern philosophy. The overview of concepts on the problem presented in the article demonstrates that communicative rationality relates to the theory of knowledge, theories of communicative action, of complicated self-developing systems, synergetics, and self-organization associated with constant variability and dynamism in relations between people. Modern concepts of communicative rationality is presented in comparison to the research in "human dimension" and interdisciplinary areas. The author emphasizes the need for the application of communicative rationality to special subject areas. The research process is based on the methodology of comparative philosophical analysis aimed at acquiring new scientific knowledge. The author of the article proposes the thesis about the ability of epistemology that explores the content and meaning of communicative rationality in the field of knowledge to comprehensively take into account the diversity of situations of human communication. The author shows the relationship of the research problems with social and cultural processes taking place in public life and practical requests for opening perspectives and implementation of procedures, discussions, and making rational, agreed decisions.

Keywords: communicative rationality, theory of knowledge, network space, 'human dimension', epistemological approach, interdisciplinarity, self-organization, information and communication processes, synergetics, axiological orientation

Актуальность исследования коммуникативной рациональности как одной из форм рациональности, соответствующей её общим характеристикам с учётом особенностей коммуникативной направленности, представляет определённый интерес. Принято

считать, что коммуникативная рациональность в современной философии является одним из наиболее дискуссионных понятий. Его содержание зависит от различных эпистемологических и методологических положений и принципов, которые включают в себя широкий спектр логических, се-

мантических, социокультурных и других важных познавательных аспектов. Данный подход об-улавливает связь различных типов рациональности с коммуникативной рациональностью и её одновременное включение в рациональную сферу действия в самом широком понимании. Другими словами, определяется эклектическое присутствие коммуникативной рациональности практически во всех актуальных исследованиях философской и научной проблематики, особенно в областях «человекообразных» и междисциплинарных разработок, что и предстоит продемонстрировать в данной статье.

Понятие коммуникативной рациональности разрабатывается во второй половине XX в. и неразрывно связано с концепцией Ю. Хабермаса как наиболее признанной и широко известной в философии и науке. Определяющее значение рассматриваемого термина раскрывается «в объединяющей силе ориентированной на взаимопонимание речи, которая гарантирует участвующим в разговоре intersubjectively разделяемый жизненный мир и тем самым горизонт, внутри которого все они могут устанавливать отношения к одному и тому же объективному миру» [1, с. 110]. Наиболее продуктивным представляется исследование коммуникативной рациональности в контексте осмысления различных аспектов данного понятия, соединяющих в себе практическую и методологическую направленность и ценностно-ориентированный характер социально-гуманитарных проблем. Основаниями для создания Хабермасом собственной социально-философской теории коммуникативного действия, наряду с немецкой классической философией, стали положения, разрабатываемые в марксизме, прагматизме, системной теории, феноменологии и теории рациональности М. Вебера. В них соответствующая система критериев рациональности получает intersubjectively толкование, которое влияет на методологическое осмысление трансформации понятия коммуникативной рациональности в культурно-историческом контексте. В результате, представления о её содержании формируются с участием широкого круга методологов и специалистов в различных областях знания, а проявления, существующие вне коммуникативного процесса, становятся «предметом междисциплинарных исследований» [2, с. 17]. Важно отметить, что элементы коммуникативного подхода уже в начале XX в. применялись в некоторых областях научного знания для построения различ-

ных теоретических моделей в процессе познания. В качестве примеров достаточно привести такие направления исследований, как индуктивистское – Р. Карнап, Г. Хессе; дедуктивистское – К.Г. Гемпель, К. Поппер; эволюционистское – С. Тулмин; «сетчатое» – Л. Лаудан, что в дальнейшем оказало непосредственное влияние на методологию науки и обеспечило становление коммуникативной парадигмы. На современном этапе развития философии и науки понятие коммуникативной рациональности всё чаще отождествляется с исследованиями, проводимыми с позиций «человекообразности» и междисциплинарности, содержание которых более подробно и рассматривается в статье.

Проблема понимания «человекообразности» соприкасается с современными воззрениями на коммуникативную рациональность, которая, как уже отмечалось ранее, является актуальной и активно обсуждается в философской и научной среде. Так «человекообразность» предмета научного исследования изначально рассматривалась с позиций присутствия в нём субъектных характеристик. Иными словами, проблема субъект-предметных отношений существовала и постепенно трансформировалась, получая эволюционное развитие в исследованиях, направленных на развитие представлений теории самоорганизации, социокультурной парадигмы познания и осмысления влияния человеческого фактора на них. Особую актуальность в этом плане представляет проблема соотношения, обоснования и осмысления полученных знаний как ценностных ориентиров, так и проявлений «коммуникативного характера познавательной деятельности человека» [3, с. 100]. Развитие человеческого общества происходит в ключе освоения сложных, саморазвивающихся систем, представляющих собой единую целостность системных объектов, которая постоянно совершенствуется при переходах «от одного вида саморегуляции к другому» [4, с. 278]. Процесс изменения систем происходит в виде осуществления фазовых переходов, аналогичных динамике неравновесных систем в синергетике. Данным системам свойственна иерархическая организация элементов, способность организационно перестраиваться, дифференцироваться, обретать целостность, развивая новые уровни существования, самостоятельно формировать собственные подсистемы. В результате возникают новые виды прямых и обратных связей, изменяются параметры управления, совершенствуется порядок взаимодействия.

К сложным, саморазвивающимся системам относятся социальные, биологические и нанотехнологические объекты, системы современного проектирования, компьютерные сети, а также сложные комплексы типа «человек-техника», экология, культура. Их отличительными признаками являются открытость, динамичность, наличие особой категориальной матрицы и способность к коммуникационным взаимодействиям с внешним миром. В результате формируются информационные структуры, улавливающие новые смыслы, необходимые для сохранения целостности системы в ходе её взаимодействия с внешней средой. Важным направлением в изучении таких сложных саморазвивающихся систем становится «новое понимание объектов как процессов взаимодействия» [4, с. 279]. В соответствии с этим возникает необходимость анализа вариантов развития системы, в которой реализуемый сценарий зависит от коммуникационных взаимодействий её с внешней средой и человеческим фактором. При этом необходимо отметить, что сам человек в качестве компонента взаимодействия включён в природные и социальные комплексы, на которые направлена познавательная деятельность. В качестве примеров «человекообразных» областей исследований можно привести такие направления в развитии науки, использующие коммуникативную методологию рациональности, как медицина, биология, экология, биосфера, нанонаука, геновая инженерия, теория и практика создания сложных информационных структур, область искусственного интеллекта. Исследование коммуникативных отношений при изучении «человекообразных» объектов связано с осознанием необходимости нравственной ответственности человека в определении стратегии и тактики экспериментирования, создания и конструирования, что непосредственно связано с гуманистическими ценностями, приоритет которых особенно важен при рациональном анализе и практическом освоении объектов.

Содержание понятия «человекообразности», с точки зрения А.П. Огурцова, связано с любой человеческой деятельностью, свидетельствующей об объективации им социальной, когнитивной, технической и других структур. С этим термином связывались некоторые принципы, исходящие из «осознания открытости природы человека, преодоления им своей тождественности и утверждения его постоянной изменчивости и динамичности в отношениях с другими людьми» [5, с. 203].

Деятельность человека представляет собой реальность в бытии, в котором растворяются любые притязания на чёткость и ясность происходящего в мире. Философский поиск «человекообразных» объектов одновременно ставит под вопрос их присутствие в теоретических построениях об исследуемом объекте и его понимании, а также и в практической деятельности. Техники такого наполнения исследований «человекообразностью» характерны для современного эпистемологического подхода к коммуникативной рациональности.

По мнению Я.И. Свирского, не всегда происходит отождествление субъекта с человеком, сущность которого может заключаться в непрерывной множественности элементов – чувств, аффектов, желаний и потребностей психики, детерминированных и способных объективироваться. Невозможность определения и отграничения чувственной составляющей приравнивает человека к бесконечной многокомпонентной системе, сходной с термодинамическими объектами, поэтому к нему «применимы вероятностные способы описания. В этом случае человек уподобляется микрокосму, совпадающему по своей сложности с макрокосмом» [6, с. 158]. Однако ограниченность человека определяется как временем его жизни, так и существующими в культурно-историческом пространстве познавательно-теоретическими установками. При рассмотрении антропологического аспекта самоорганизации выясняется, что, в конечном счете, любая интерпретация общения сводится к «спонтанности и непредсказуемости в поведении человеческой компоненты мироздания» [6, с. 158]. При этом сложность поведения индивидуума является не временной технической трудностью, а несводимой ни к чему данностью. Познавательный аспект коммуникативной рациональности непосредственно соприкасается с вопросом о «человекообразности» самоорганизующихся социальных процессов, особая роль в которых принадлежит «синергетическому движению» в языке. Это движение не порождает нового понимания объяснения или описания, однако оно проявляет особые аспекты реальности. В них дихотомия физического и ментального обретает такую неопределённость, которая постоянно «находится в ситуации непрерывного становления, самоорганизации, самодотраивания, никогда не достигая целостности» [6, с. 173]. В результате процедура описания будет переходить в объяснение, а затем, наоборот – из объяснения в описание.

В настоящее время фактором, обеспечивающим понимание, может стать «разработка специфического языка, открывающего доступ к событиям и явлениям в мире» [7, с. 97]. Рассмотрение развития саморазвивающихся объектов в соотношении с включённостью человека в коммуникативную проблематику способствует методологическому проникновению в гуманистический смысл взаимопонимания между людьми. Такой подход к реалиям межличностного общения, постоянно находящегося в фазе подтверждения собственного существования, претендует на причисление коммуникации к самоорганизующимся процессам. В символическом плане она является неким странным аттрактором, формирующимся на границе межсубъектного взаимодействия и содержащим в себе физикалистские и антропоморфные основания. Данный взгляд наглядно показывает наличие и неразделимость человеческого аспекта самоорганизации и коммуникативной рациональности.

Исследуя синергетику коммуникативных сценариев, В.Г. Буданов разбирает образы связей, связностей, целостности пространства коммуникации и его участников и указывал на их наличие в теории нелинейных сред. Несмотря на достаточную прогнозируемость взаимодействий между людьми, в современных моделях, сама «коллективная коммуникация может давать удивительно красивые, зачастую сложные и непредсказуемые результаты» [8, с. 444]. Так как характер человеческого поведения в коммуникативных актах определяется его намерениями, предпочтениями, способами и средствами общения, то и ситуационных вариаций возникает немного. В результате сложность поведения обусловлена как спонтанным, так и осознанным выбором участников общения, которые можно интерпретировать в качестве нелинейной случайной среды внутреннего пространства каждого из элементов коммуникации. К образам синергетических когнитивных процессов относятся: языковая среда, объекты и каналы коммуникации, а также модели среды, генерирующей информацию.

Многоаспектность понимания «человекообразности» в познании заключается в возможной смене её полярности восприятия, когда первоначальная ситуация может поменяться на диаметрально противоположную, когда сначала в центре проблемы рассматривается человек и его реальность, а затем он включается в роли дополнительной компоненты исследования. Особое видение картины мира, с включением в него «человекообраз-

мерных» объектов, обуславливает поворот научного поиска с онтологических вопросов на бытийные проблемы. В результате и рассмотрение познавательных ситуаций представляется в новом ключе, открывающем перспективность поиска объективного знания, соотносимого с человеческим бытием. Поэтому эффективность применения коммуникативной рациональности будет напрямую зависеть от действий правоустанавливающего человеческого разума, который в изменяющейся ситуации между участниками общения постоянно открыт для новой аргументации, направлен на обсуждение проблем и удовлетворение своих потребностей, реализуемых в форме коммуникативной договорённости.

Необходимо отметить, что современная эпистемология стремится к решению сложных задач, требующих объединения усилий представителей различных научных направлений и дисциплин. В связи с этим активно оформляется междисциплинарная сфера познания, возникают и развиваются интегративные исследования, реализация задач которых зависит от «согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения» [9, с. 16]. Характерный для раскрытия познавательного потенциала коммуникативной рациональности субъект-субъектный подход, трансформируясь в эпистемологическом направлении обретает многообразные формы выражения, начиная от «социальных структур в виде институтов, университетов, лабораторий до научных сообществ, никак социально не оформленных, и невидимых колледжей, оформленных ещё меньше, и, наконец, до отдельного учёного» [10, с. 45]. Проводимые в этой области многочисленные исследования направлены на изучение и осмысление новой роли субъекта в познании, развитие представлений, связанных с влиянием коммуникативной парадигмы на научное знание. Теоретические и практические усилия учёных и философов, предпринимаемые в данной сфере непосредственно направлены на расширение функционирования междисциплинарности в качестве перспективной формы современной познавательной деятельности. Знание, получаемое в ходе совместных исследований, проводимых представителями различных дисциплин, представляет собой многоаспектную характеристику изучаемого предмета, который является основой коммуникативного междисциплинарного взаимодействия. Подобное совместное общение специалистов из

дисциплинарно обособленных направлений познания предполагает выработку единой универсальной терминологии. В результате деятельность участников исследования будет содержать как теоретические положения смежных дисциплин, так и соглашения профессионалов по поводу понимания предметных свойств.

Одной из основных особенностей современной эпистемологии является тенденция комплексного построения области познания, содержащее в себе сложную организацию предметности, не исключая наличие определённых изолированных «лакун» знания, соединение которых значительно расширяет возможности всестороннего исследования заданной проблемы. Иными словами, востребованность междисциплинарных разработок заключается в том, что они преодолевают дисциплинарные барьеры, препятствующие рассмотрению научных проблем в широком познавательном диапазоне. Несмотря на преодоление междисциплинарностью границ определённых дисциплин сфера изучения проблемы целиком и полностью находится в рамках внутродисциплинарной проблематики. Как правило, область интересов дисциплинарных исследований охватывает рассмотрение или одного уровня окружающей реальности, или его некоторых фрагментов. Способность междисциплинарного переноса знаний из одной научной дисциплины в другую не нарушает дисциплинарного деления. В соответствии с этим налицо дополнительное методологическое междисциплинарное обогащение внутродисциплинарного знания и границы между дисциплинами становятся прозрачными, не препятствующими коммуникативному обмену и не влияющими на качество информационного взаимодействия.

В работах по синергетике коммуникативных сценариев В.Г. Буданов, разбирая образы связей, связностей, целостности пространства коммуникации и его участников указывал на их наличие в теории нелинейных сред. Несмотря на определённую ограниченность взаимодействий между людьми, в современных моделях сама коллективная коммуникация порождает сложные, непредсказуемые и порой неожиданные результаты. Так как характер человеческого поведения в коммуникативных актах определяются его намерениями, предпочтениями, способами и средствами общения, то и ситуационных вариаций возникает действительно немного. В результате сложность поведения обусловлена как спонтанным, так и

осознанным выбором участников общения, которые можно интерпретировать в качестве нелинейной случайной среды внутреннего пространства каждого из элементов коммуникации. К образам синергетических когнитивных процессов относятся: языковая среда, объекты и каналы коммуникации, а также модели среды, генерирующей информацию. Коммуникативная рациональность в контексте проявлений самоорганизации может рассматриваться как междисциплинарное применение сетевой коммуникации. Такая междисциплинарная методология способствует раскрытию трансдисциплинарных положений, освоению ситуативных проявлений и универсалий картины мира, развитию системного анализа, культурных и научных связей. В результате актуализируются коммуникативные связи в познавательных триадах «субъект-средство-объект», «исследователь-среда-результат». Через процедуру парных последовательных решений в схемах данных триад происходят познавательные когнитивные взаимодействия. Таким образом, методология комбинаторики коммуникативных сценариев способствует получению эффективного результата в процессах автокоммуникации, межличностного общения и в других стратегиях, ориентированных на коммуникативную рациональность. Так, методологические особенности современных информационно-коммуникативных процессов также находят своё применение в рамках синергетического дискурса.

Как отмечает О.Н. Астафьева, самоорганизация сетевого пространства способствует установлению нового типа глобальной коммуникации, сложности, социокультурных трансформаций рациональности человеческого поведения, смены приоритетов в познавательной деятельности. Возникающие в связи с этим проблемы относятся к междисциплинарным и их методологическое решение возможно при помощи коммуникативной рациональности. Благодаря её влиянию «создаётся открытость познавательного процесса возможностям иных наук и, соответственно, иных специализированных языков» [11, с. 419]. В результате всё пространство синергетического дискурса освобождается от дисциплинарных расслоений, а осмысление целого ряда проблем происходит более свободно на междисциплинарном уровне познания. Подобная адаптация метода коммуникативной рациональности может рассматриваться как «стратегия полилога, полифонического контрапункта, предполагающая возможность порождения

дения сложного синтеза» [11, с. 420]. Отмечаемое взаимодействие антропологических, социальных и культурных элементов коммуникативной системы воздействует на уровень её устойчивости, приближая к состоянию порога порядка и хаоса. Для сохранения стабильности требуется балансирование между базовыми параметрами порядка и преобразованиями системы, позволяющими человеку адаптироваться к новой информационной ситуации. Так, ускорение информационно-технологических процессов в жизни общества, обновление его структуры и развитие социокультурных интеграционных взаимодействий активно влияет на жизненный мир человека. Изучение проблемы существования личности в информационно-коммуникативной среде показывает увеличение опасностей и усиление рисков в сфере психологической безопасности.

С коммуникативной рациональностью связано появление междисциплинарных методологических новаций, а также интегративных тенденций в современном знании, что позволяет заново переосмыслить способы образного, символического, аналогического познания мира. Выраженные рационалистически и вербально научные понятия являются определённой редукцией целостного способа мировосприятия. Однако именно эти понятия составляют синтетические когнитивные элементы, шаблоны целостности, из которых фрактально разворачиваются иерархические уровни научных теорий и концепций. По данной схеме происходит структурное упорядочение и саморазвитие в большинстве самоорганизующихся процессов. Высказываются предположения, что осмысление коммуникативных взаимодействий «станет в ближайшее время одной из основных «точек роста» в современном гуманитарном знании» [12, с. 469]. При значительном разнообразии подходов к проблеме коммуникативной рациональности достаточно интересным представляется отыскание общих характеристик коммуникативной онтологии, отражающих наиболее общие аспекты системной теории, синергетики, концепций нелинейной коммуникативной среды.

Получение нового знания непосредственно зависит от формы научной дискурсивной практики, которая одновременно ориентирована на нормы объективного познания классического образца и открытость коммуникативной направленности. Такая форма дискурса предполагает понимание предмета исследования, основанное на современ-

ных методах информационного обмена с учётом прежней рациональной традиции. В этой связи представляет интерес термин «нарратива» включающий в себя присущую познавательному процессу разноплановую ориентированность формы дискурса, структурирование и упорядочивание эмпирического знания, а также присущие им высокую адаптивность, гибкость и открытость. Осмысление сущности нарратива в значительной степени способствует пониманию коммуникативной рациональности как способности человеческого разума к широкому и свободному обмену информацией. Он осуществляется также и в рамках междисциплинарной исследовательской программы как дискурса постоянно меняющейся реальности, предполагающей установление определённого порядка получения и согласованности эмпирических данных в условиях вариативности и изменчивости. Коммуникативная рациональность, укоренённая в языковых, культурных, информационных установлениях содержит нарративное знание.

По мнению Л.П. Киященко, сущность и значение коммуникативной рациональности в сфере междисциплинарных взаимодействий выражается в повествовании, согласующемся с условиями проведения дисциплинарного дискурса на практике. В данном случае языковое различие представляет сложность в общении в силу определённой несопоставимости, непереводаемости и чужеродности в понимании. Трансфлексивное подобие некоторых языковых значений способствует удержанию нелинейности междисциплинарной коммуникации, указывая в диалоге по обмену смыслами только на концепты, представляющие собой наиболее устойчивые элементы информационного обмена. Возникновение и дисциплинарное оформление новых исследовательских направлений научной мысли происходит именно на пересечении дисциплинарных границ, где современная теория познания, используя преимущества коммуникативной рациональности, охватывает собой сферу междисциплинарного общения.

Позиция В.С. Степина заключается в необходимости разработки на современном этапе развития знания междисциплинарной методологии, направленной на разносторонний коммуникативный обмен между социально-гуманитарными науками, естествознанием и исследованиями в области техники, проводимый с учётом их прямых и обратных связей. Это откроет возможности эффективного методологического применения коммуникатив-

ной рациональности, способствующей установлению взаимопонимания между людьми, поиску новых смыслов и ценностных ориентиров с целью преодоления глобальных кризисов и прогнозирования цивилизационных перспектив развития.

Размышляя о проблемах междисциплинарности, И.Т. Касавин отмечает их связь с коммуникативной рациональностью, в частности с асимметричностью диалога, проявляющейся при обмене информацией между различными дисциплинами. В большинстве случаев приоритет исследования имеет одна из дисциплин, которая «берёт на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию» [13, с. 20]. В соответствии с этим междисциплинарное взаимодействие характеризуется отсутствием единства в выборе и унификации методов исследования, наличием дополнителности, несоизмеримости и коммуникации на основе неформального дискурса. Междисциплинарные разработки отличает соединение ряда глобальных направлений, в том числе становления, организации и самоорганизации биологического, физического и социального миров, в рамках которых заложен потенциал развития коммуникативных отношений. Поэтому междисциплинарность социальных исследований, раскрывающая многоуровневую социальную картину мира, оказывает влияние и на естествознание, в котором постепенно осознаётся подвижность границ между фундаментальными понятиями и теоретическими.

Рассматривая вопросы коммуникативного взаимодействия в познании, Л.А. Маркова определяет междисциплинарность через согласованность единиц знания (дисциплин), изучающих конкретную область действительности, переходящую в коммуникативные взаимоотношения между авторами, разрабатывающими данную область. Решение проблем одной дисциплины происходит благодаря общению авторов и применению средств, выработанных в другой области знания. Видимо, поэтому и само понимание междисциплинарности рассматривается «как диалог, коммуникация, интересубъективность (отношения между субъектами, а не между дисциплинами)» [14, с. 32]. Разумеется, в применении коммуникативной рациональности в междисциплинарном подходе имеются и свои трудности, преодоление которых непосредственно связано с центральной фигурой коммуникации – человеком и его ролью в получении нового знания.

Таким образом, современное понимание коммуникативной рациональности раскрывается

через философское и научное осмысление имманентной, инвариантной включённости человека в познавательную деятельность, обусловленную возникновением новых типов взаимодействия между социально-гуманитарными, техническими и естественными науками. Такой междисциплинарный подход позволяет выявить роль и значение человеческого фактора, связанного с его способностью к коммуникационным взаимодействиям с внешней средой, возникновением и становлением новых смыслов, ценностных ориентиров в науке. Переосмысление мировоззренческих идеалов, включающих в себя отношение к природе, морально-этические положения и ответственность людей за свою деятельность, способствует изменению аксиологической направленности познавательной деятельности с нейтральной на ценностно-ориентированную. Особенностью исследования «человекообразных» объектов становится их неразрывная связь с ценностными жизненными ориентирами и предпочтениями. Это позволяет раскрыть роль и значение коммуникативной рациональности в контексте ответственного диалога индивида с окружающей действительностью, способного соотносить современные научные представления о судьбе человека и его предназначении в мире с философскими гуманитарными и социально-культурными ценностями.

Познавательный аспект коммуникативной рациональности в рамках междисциплинарного и «человекообразного» понимания основывается на гибкой системе положений и норм, изменяющихся в соответствии с конкретной культурно-исторической ситуацией, основанных на рациональных интересах и направленных на выработку, обоснование и использование эффективных решений в различных сферах человеческой деятельности, открытых для информационного обмена. Коммуникативной рациональности присущи такие характеристики, как направленность на освоение саморазвивающихся, сложных, открытых систем, в которых в качестве объектов исследуются процессы взаимодействия. При этом происходит расширение понятий причинности, пространства и времени, вырабатываются особые стратегии научной деятельности, непосредственно выходящие на проблему освоения новых технологий. Предложенное понимание рассмотренной в статье проблемы позволяет перейти к изучению её прикладного использования в различных областях теоретического знания и практической деятельности.

Список литературы:

1. Habermas J. Wahrheit und Rechtfertigung: philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1999. 336 p.
2. Порус В.Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 11-24.
3. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2007. 439 с.
4. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с.
5. Огурцов А.П. Системный анализ науки: идеи эквивалентности и человекообразности // Эпистемология и философия науки. 2013. № 3. С. 190-204.
6. Свирский Я.И. Свидетель зияния (к вопросу о «человекомерности» в науке) // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФРАН, 2002. С. 155-175.
7. Даниелян Н.В. Научная рациональность. М.: Изд-во МГОУ, 2010. 198 с.
8. Буданов В.Г. Синергетика коммуникативных сценариев // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 444-460.
9. Князченко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
10. Маркова Л.А. Томас Кун вчера и сегодня // Философия науки. Вып. 10: Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФРАН, 2004. С. 29-48.
11. Астафьева О.Н. Синергетический дискурс современных информационно-коммуникативных процессов // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 419-443.
12. Василькова В.В. «Космос» коммуникаций: новые понятия и традиционные образы // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 461-472.
13. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФРАН, 2014. С. 9-26.
14. Маркова Л.А. Трансформации междисциплинарности в контексте социальной эпистемологии // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФРАН, 2014. С. 27-37.
15. Антоновский А.Ю. О рациональности в структуре коммуникации // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 25-31.
16. Аршинов В.И. Синергетика конвергирует со сложностью // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 73-83.
17. Касавин И.Т. Коммуникация и творчество // Философия науки. Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФРАН, 2012. С. 7-23.
18. Лекторский В.А. Предисловие // Философия науки. Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФРАН, 2012. С. 5-6.
19. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., дополн. М.: Канон+, 2009. 560 с.
20. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
21. Назарчук А.В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157-165.
22. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
23. Нугаев Р.М. Смена парадигм: модель коммуникативной рациональности // Философия науки. Вып. 7: Формирование современной естественнонаучной парадигмы. М.: ИФРАН, 2001. С. 43-57.
24. Огурцов А.П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФРАН, 2005. С. 54-81.
25. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: в 3 ч. Ч. 2: Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 495 с.
26. Смирнова Н.М. Коммуникативная рациональность и жизненный мир человека // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 38-41.
27. Фарман И.П. Коммуникативная парадигма в социальном познании // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 229-261.
28. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1981.
29. Попов Е.А. Междисциплинарный опыт гуманитарного знания и современной социологической науки // Политика и общество. 2013. № 4. С. 441-447. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.04.8).
30. Попкова Н.В. Философская культура или философская технология? // Культура и искусство. 2015. № 2. С. 133-144. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209).
31. Перфилова Т.К. Управление информационно-коммуникационными рисками в организационном пространстве // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 20-24.
32. Орлова Э.А. Синергетические идеи в изучении социокультурной микродинамики // Культура и искусство. 2012. № 4. С. 18-31.
33. Коржув А.В., Баксанский О.Е. Педагогическое исследование в современном научном дискурсе // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 51-65. (DOI: 10.7256/2306-434X.2014.4.13926).
34. Савельева И.М. Культурная история на дисциплинарном пограничье // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 7-13.
35. Перфилова Т.К. Управление информационно-коммуникационными рисками в организационном пространстве // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 20-24.

36. Гуревич П.С. Арсенал культурного обогащения // Педагогика и просвещение. 2015. № 1. С. 6-11. (DOI: 10.7256/2306-434X.2015.1.14416).

References (transliteration):

1. Habermas J. Wahrheit und Rechtfertigung: philosophische Aufsätze. Frankfurt a. M., 1999. 336 p.
2. Porus V.N. Ratsional'naya kommunikatsiya kak problema epistemologii // Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod. M.: IFRAN, 2009. S. 11-24.
3. Mikeshina L.A. Epistemologiya tsennosti. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPEN), 2007. 439 s.
4. Chelovek i ego budushchee: Novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka / Otv. red. G.L. Belkina. M.: LENAND, 2012. 496 s.
5. Ogurtsov A.P. Sistemnyi analiz nauki: idei ekvifinal'nosti i chelovekorazmernosti // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2013. № 3. S. 190-204.
6. Svirskii Ya.I. Svidetel' ziyaniya (k voprosu o «chelovekomernosti» v nauke) // Filosofiya nauki. Vyp. 8: Sinergetika chelovekomerno real'nosti. M.: IFRAN, 2002. S. 155-175.
7. Danielyan N.V. Nauchnaya ratsional'nost': Monografiya. M.: Izd-vo MGOU, 2010. 198 s.
8. Budanov B.G. Sinergetika kommunikativnykh stsenariiev // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2004. S. 444-460.
9. Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I. Filosofiya transdistsiplinarnosti. M.: IFRAN, 2009. 205 s.
10. Markova L.A. Tomas Kun vchera i segodnya // Filosofiya nauki. Vyp. 10: Epistemologicheskii analiz kommunikatsii. M.: IFRAN, 2004. S. 29-48.
11. Astaf'eva O.N. Sinergeticheskii diskurs sovremennykh informatsionno-kommunikativnykh protsessov // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2004. S. 419-443.
12. Vasil'kova V.V. «Kosmos» kommunikatsii: novye ponyatiya i traditsionnye obrazy // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2004. S. 461-472.
13. Kasavin I.T. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya i sotsial'naya kartina mira // Filosofiya nauki. Vyp. 19: Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh. M.: IFRAN, 2014. S. 9-26.
14. Markova L.A. Transformatsii mezhdistsiplinarnosti v kontekste sotsial'noi epistemologii // Filosofiya nauki. Vyp. 19: Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh. M.: IFRAN, 2014. S. 27-37.
15. Antonovskii A.Yu. O ratsional'nosti v strukture kommunikatsii // Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod. M.: IFRAN, 2009. S. 25-31.
16. Arshinov V.I. Sinergetika konvergiruet so slozhnost'yu // Voprosy filosofii. 2011. № 4. S. 73-83.
17. Kasavin I.T. Kommunikatsiya i tvorchestvo // Filosofiya nauki. Vyp. 17: Epistemologicheskii analiz kommunikatsii. M.: IFRAN, 2012. S. 7-23.
18. Lektorskii V.A. Predislovie // Filosofiya nauki. Vyp. 17: Epistemologicheskii analiz kommunikatsii. M.: IFRAN, 2012. S. 5-6.
19. Mikeshina L.A. Filosofiya poznaniya. Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya. 2-e izd., dopoln. M.: Kanon+, 2009. 560 s.
20. Moiseev N.N. Chelovek i noosfera. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 351 s.
21. Nazarchuk A.V. Ideya kommunikatsii i novye filosofskie ponyatiya XX veka // Voprosy filosofii. 2011. № 5. S. 157-165.
22. Nazarchuk A.V. Teoriya kommunikatsii v sovremennoi filosofii. M.: Progress-Traditsiya, 2009. 320 s.
23. Nugaev R.M. Smena paradig: model' kommunikativnoi ratsional'nosti // Filosofiya nauki. Vyp. 7: Formirovanie sovremennoi estestvennonauchnoi paradigmy. M.: IFRAN, 2001. S. 43-57.
24. Ogurtsov A.P. Ot normativnogo Razuma k kommunikativnoi ratsional'nosti // Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov. M.: IFRAN, 2005. S. 54-81.
25. Ogurtsov A.P. Filosofiya nauki: dvadtsaty vek: Kontseptsii i problemy: v 3 ch. Ch. 2: Filosofiya nauki: Nauka v sotsiokul'turnoi sisteme. SPb.: Izd. dom «Mip'», 2011. 495 s.
26. Smirnova N.M. Kommunikativnaya ratsional'nost' i zhiznennyi mir cheloveka // Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod. M.: IFRAN, 2009. S. 38-41.
27. Farman I.P. Kommunikativnaya paradigma v sotsial'nom poznanii // Nauka glazami gumanitariya / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: Progress-Traditsiya, 2005. S. 229-261.
28. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Frankfurt a. M., 1981.
29. Popov E.A. Mezhdistsiplinariy opyt gumanitarnogo znaniya i sovremennoi sotsiologicheskoi nauki // Politika i obshchestvo. 2013. № 4. S. 441-447. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.04.8).
30. Popkova N.V. Filosofskaya kul'tura ili filosofskaya tekhnologiya? // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 2. S. 133-144. (DOI: 10.7256/2222-1956.2015.2.14209).
31. Perfilova T.K. Upravlenie informatsionno-kommunikatsionnymi riskami v organizatsionnom prostranstve // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2011. № 6. S. 20-24.
32. Orlova E.A. Sinergeticheskie idei v izuchenii sotsiokul'turnoi mikrodinamiki // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 4. S. 18-31.
33. Korzhuev A.V., Baksanskii O.E. Pedagogicheskoe issledovanie v sovremennom nauchnom diskurse // Pedagogika i prosveshchenie. 2014. № 4. S. 51-65. (DOI: 10.7256/2306-434X.2014.4.13926).
34. Savel'eva I.M. Kul'turnaya istoriya na distsiplinarnom pograni'ch'e // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2012. № 5. S. 7-13.
35. Perfilova T.K. Upravlenie informatsionno-kommunikatsionnymi riskami v organizatsionnom prostranstve // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2011. № 6. S. 20-24.
36. Gurevich P.S. Arsenal kul'turnogo obogashcheniya // Pedagogika i prosveshchenie. 2015. № 1. S. 6-11. (DOI: 10.7256/2306-434X.2015.1.14416).